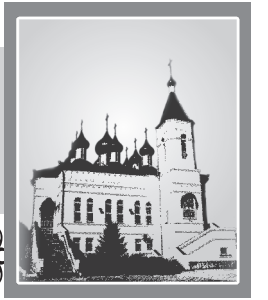

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Закон Божий с протоиереем Андреем Ткачевым. Беседа 11-я.

Приветствую вас, дорогие христиане, дорогие братья и сестры! Нам предстоит сегодня побеседовать о Вавилоне. Как всегда, мы будем погружаться, насколько можем, в библейскую тему, исходя из того, кто мы, что мы, как мы живем сейчас, помня о том, что нет таких библейских тем, которые были бы абсолютно нейтральны по отношению к сегодняшнему дню и не касались бы его. Любая библейская тема имеет региональную характеристику и способность точечным образом конкретно прилагаться к современной действительности.

Итак, Вавилон. Вавилонская башня – это некое мистическое сооружение, которое было построено отнюдь не глупыми людьми. Людьми, которые не имели глупых представлений, что сейчас, мол, сделаем башню и будет лестница в небо. Они понимали, что рукотворно, физически на небо забираться не стоит – это бесполезное занятие. Это было мистическое здание, которое погребло под собой тайну своих строителей, чем же они хотели заниматься, кого призывать, что вытворять, что совершать...

Вавилонская башня – это один из символов человеческой цивилизации, некий неразрушимый образ того, что люди постоянно пытаются создавать. Желание рукотворными силами залезть на небо, например, родило космонавтику, гордость человечества от полетов в космос. И эта заслуженная гордость человеческого гения и смелости все-таки изрядно растворена какими-то вавилонскими интуициями: а вот залетим-ка мы туда и докажем всем, что мы не тварь дрожащая, а право имеем, – этот момент есть в дерзаниях первых теоретиков космонавтики, первых теоретиков воздухоплавания, там был момент сопротивления Богу. Конечно, космонавт может быть верующим человеком, со страхом Божиим и молитвой взлетать, покидая поле притяжения родной планеты, но изначально в космонавтике был вавилонский момент.

Питер Брейгель Старший изобразил эту грандиозную стройку – только недостроенной. Это великий всечеловеческий недострой. И когда возник Европейский Союз и построили здание Европарламента в Брюсселе, то архитектура этого сооружения как бы специально повторяла архитектуру недостроенной Вавилонской башни на картине Питера Брейгеля Старшего. Эти вот стены уступами, круглая форма, эти недостроенные арочки, колоннады – все узнается очень близко, очень быстро: они знали, они специально строили новое здание ново-создающегося межгосударственного образования как некую духовную преемственность Вавилонской башни, изображенной на одной из самых известных картин западноевропейской живописи.

Когда снесли храм Христа Спасителя, то на этом месте собирались построить Дворец Советов с огромной статуей Ленина наверху, и даже на чертежах это было что-то жуткое – уже чертежи представляли какую-то жуткую идею невыносимо огромного здания, невыносимо страшных размеров на месте Божьего храма. Это была Вавилонская башня.

Каменщиками называли себя франкмасоны, которые стремились строить: мастерок, циркуль, отвес, долото – это предметы из их символики. Строители что делают? – Они строят, естественно. А что же они такое

строят? – Они строят новый мир. Христос говорит нам о том, что есть Небесный Иерусалим, архитектор и устроитель которого – Бог. А на земле есть какие-то тоже строители, которые тоже строят свой дом, противоположный Небесному Иерусалиму.

Тема масштабного строительства, многовекового, длительного, с участвующими в нем миллионами людей – это как раз тема Вавилонской башни, и мы живем в один из этапов продолжающегося огромного строительства. А строительная площадка эта занимает собой почти всю Вселенную – на всей земле строится новое, какое-то невидимое, а иногда и видимое духовное сооружение. Стоит вернуться к мысли блаженного Августина, высказанной в его прекрасной книге «О граде Божием»: есть два града – град Небесный и град земной. Между ними война, как между ахейцами и Троей, и град Божий подвергается насмешкам, нападению, посямению, а град земной строится как гордая твердыня, как некий Иерихон, для того чтобы сопротивляться граду Небесному и воевать с ним. Августин пишет, что человек и человечество балансируют между двумя полюсами: на первом полюсе – любовь к Богу до ненависти к себе, это аскетизм и самопожертвование, а на втором полюсе – любовь к себе до ненависти к Богу. И Небесный Иерусалим населяют те, кто любят Бога вплоть до самопожертвования, а земной град медленню, и настырно, и упорно, из века в век создается вольными каменщиками из ненависти к Богу и чрезмерной любви к себе. Так что тема этой всемирной стройки – это и есть наша тема.

Когда ты читаешь книгу Бытия – о каком-то столпотворении, о чем-то таком, ты читаешь не древнюю легенду – ты читаешь картинку с выставки: вот, это новости сегодняшних газет. Мировые правительства, заговоры против нравственности, новые законы, размытие привычных стандартов жизни и т.д. – это все является именно иллюстрацией к данной теме.

Итак, люди собрались сделать себе имя. Они научились делать кирпичи. Очевидно, это великое открытие – кирпич: кирпичики позволяют строить какие хочешь высокие здания при правильных инженерных расчетах. И вот они начали тянуть вверх свою громадину и машину, при этом все человечество было тогда едино, и все говорили на одном языке. Господь помещал этому строительству, Он смешил языки человеческие, люди перестали понимать друг друга. С тех пор люди не понимают друг друга. Люди, когда говорят даже на одном языке, говорят о разных вещах: ты ему про попу, а он тебе про попову дочку...

Не только языки появились разные, а коммуникация нарушилась, люди перестали совпадать, резонировать друг на друга, и каждый заперт внутри своего эгоизма, и это одна из причин нашего непонимания ближних и непонимания нас ближними. Господь так смешил эту стройку...

Но так как мы новозаветные люди, то возвращаемся к событиям Нового Завета, потому что все, что было в Ветхом Завете, имеет параллель в Новом. Ветхий Завет раскрыт в Новом, – говорит блаженный Августин, – а Новый Завет скрыт в Ветхом. Нечто противоположное вавилонскому строительству было во время Пятидесятницы. Святая Пя-

тидесятница, сошествие Духа Святого на апостолов в виде огненных языков – это то, что является зеркальным отображением в лучшем смысле этого слова, исправлением случившегося в Ва-

вилоне. Тогда люди перестали понимать друг друга, а во время Пятидесятницы они вдруг начали беседовать о преславных деяниях Божиих на разных языках, которых до сих пор не учили. Излияние Духа Святого было анти-Вавилоном. «Вавилон» значит «смешение», то есть все было перемешано. А излияние Духа Святого – это некая божественная гармония и правильное разделение одного от другого, чтобы мы, наконец, опять начали понимать друг друга и понимать самое главное: эгоизм, национализм, замыкание в своих узких рамках не спасают человека, а излияние Духа Святого есть способность всех понять в Духе Святом. И говорить о преславных деяниях Божиих, о воскресшем Христе и о будущей жизни – это есть анти-Вавилон, это есть наша святая и божественная Пятидесятница. Вот, пожалуй, то, что нужно сказать об этом грандиозном и масштабном событии.

И еще связать его с тем событием, которое было раньше, – строительством ковчега. В строительстве ковчега нужно участвовать. И все, кто помог бы Ною строить ковчег, кроме его трех сыновей с женами, вошли бы в ковчег, если бы покались. Так что когда тебе говорят: строй ковчег – строй ковчег. Когда тебе говорят: строй башню – не строй башню. Потому что все строители башни будут наказаны. И сегодня многие люди участвуют – вольно или невольно, некоторые ведомо или неведомо – в строительстве нового огромного богоборческого человеческого здания, из которого они будут то ли волхвовать, то ли грозить кулаками небу, то ли воевать с небом напрямую. Как безумцы, которые описаны в одной из басен Крылова, решившие забросать небо камнями. Небо не спорило с ними – просто они обрушили эти камни на свои головы. Но Вавилонская башня строится, и в ее строительстве лучше участия, конечно, не принимать. Распознай тайны времени, пойми время, пойми современные опасности, устранись от них по возможности сам – этого с тебя довольно. Не тщишь слабою рукою остановить апокалиптическое движение времен – примерно в таких категориях говорил об этом святитель Игнатий (Брянчанинов).

Его же молитвами, а также молитвами всех остальных святителей, издавна видевших эту грандиозную безбожную стройку, внутри которой мы живем и цементом которой мы дышим, молитвами этих людей да даст нам Бог мудрость, чтобы нам видеть дело Божие и дело врага Божьего. И к Небесному Иерусалиму стремиться, а из земного града выйти, потому что христианин – это тот человек, который здесь не имеет вечного пребывания и грядущего града зыскует. Он выходит за ворота, к Христу, нося Его поругания, – Христос за воротами Иерусалима распят, за городом. И он выходит за город, поношение Христово нося, и с Христом желает славу разделить. Надеется на другой город, сходящий свыше, как невеста, украшенная для мужа своего, – вот вам, собственно, вся история мира: Иерихон, Вавилон, в конце концов Апокалипсис – и образ великого, чудного города, сходящего свыше. Нам туда дорога, нам надо там жить. Этот город Богом построен, не нам его создавать, он готовый.

А Вавилонская башня продолжает строиться, и нам нужно уйти со строительства. Будьте мудрыми. Господь да сохранит, Господь да вразумит и вас, и нас. Молитвами Богородицы и всех святых. До встречи. Аминь.

«Вера есть благонастроительное дарование; она рождает в нас страх Божий; страх же Божий научает соблюдению заповедей или устроению доброй деятельной жизни; из деятельной жизни произрастает честное бесстрастие; а порождение бесстрастия – любовь, которая есть исполнение всех заповедей, всех их в себе связующая и держащая» (*Свт. Феодор, епископ Едесский, †848*).

«Нельзя брать духовную жизнь сверху, а нужно брать ее снизу: сначала очистить душу от страстей, приобрести терпение, смирение и т.п., потом полюбить ближнего, а затем уже Бога» (*Прав. Алексей Мечев, 1859-1923*).

«Любовь есть плод молитвы. Любовь к Богу рождается от беседы с ним. Беседа с ним – от безмолвия; безмолвие – от нестяжания; нестяжание – от терпения; терпение – от ненавидения похотей; ненавидение похотей – от страха геенны и чаяния блаженств.

Говорящий, что страстей не победил, а возлюбил Бога любит, не знаю, что и говорит. Возразишь: я не сказал люблю, но люблю возлюблю. И это не имеет места, если душа не достигла чистоты.

Нет иной стези к духовной любви, которую начертывается в нас невидимый образ Божий, если прежде всего человек не начнет миловать по подобию Небесного Отца, явившего нам Свое совершенство в милости» (*Прп. Исаак Сирий, VII в.*).

«Чтобы любить Бога всем сердцем, надо непременно все земное считать за сор и ничем не прельщаться.

Помни, что ты всегда ходишь пред лицом сладчайшего Иисуса. Говори себе чаще: я хочу жить так, чтобы жизнь моя радовала Любовь мою, распятую ради меня на кресте.

Опытом дознано, что не любящий ближнего не может любить Бога, неблагодарный человек не может быть благодарным Богу. Ограниченному, малому, ничтожному существу, каков человек, с ограниченного, малого нужно и начинать и, при Божьей помощи, идти к менее ограниченному, к высшему. Ты имеешь жену, друзей, родственников? Научись прежде отдавать им должное и потом уже будешь в состоянии отдавать должное всем людям и Самому Богу.

Чтобы по достоинству чтить Богородительницу, научись прежде, как должно, почитать свою родительницу. А чтобы почитать тебе, как следует, Отца Господа Иисуса Христа, научись почитать своего отца по плоти. Неверный в мале и во мнозе неверен есть; а верный в мале и во мнозе верен (Лк. 16, 10)» (*Прав. Иоанн Кронштадтский, 1829-1908*).

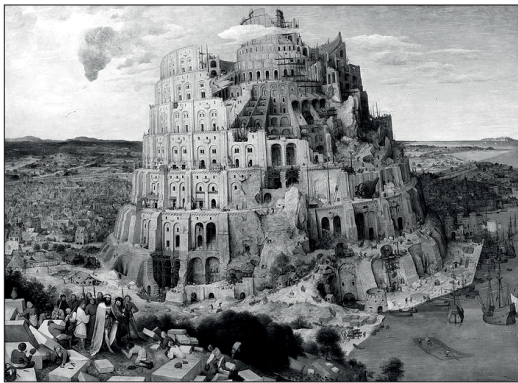
«Нельзя любить Бога, относясь плохо хотя бы к одному человеку. Это вполне понятно. Любовь с неприязнью не могут быть в одной душе: или та, или другая» (*Игумен Никон (Воробьев), 1894-1963*).

Новости 14.05.2016. Молдавская Митрополия в день празднования Дня Европы провела в центре Кишинева «Марш семьи» в поддержку традиционной семьи.

15.05.2016. Святейший Патриарх Кирилл выступил с обращением по случаю Всемирного дня памяти жертв СПИДа. «Призываю вас, дорогие мои, никогда не пренебрегать теми, кто поражен этим вирусом, и ни в коем случае не отторгать и не осуждать их вне зависимости от того, как человек приобрел недуг. Нам следует с искренним радушием и деятельной любовью принимать всех, ищущих в Церкви поддержки и утешения, помогать людям обрести подлинный смысл бытия и ощутить радость жизни во Христе», – говорится в обращении.

19.05.2016. Патриарх Сербский наградил московский Сретенский монастырь орденом. Сербская Православная Церковь (СПЦ) наградила московский Сретенский мужской монастырь орденом Святого Саввы второй степени, сообщает официальный сайт СПЦ.

Душеполезные
поучения

Питер Брейгель Старший, «Вавилонская башня», 1563 г.

«Райские хутора»

и другие рассказы

священника Ярослава Шипова

Продолжение. Начало в №20 (308)

Затем путь пловцам пересек рыбак на весельной лодке: он смотрел на ребят пристально и серьезно, но ничего не сказал.

Одолев в последнем отчаянье заросли прибрежной травы, они выползли наконец на твердую землю и полегли неподалеку от пристани села Охотино. Отлежавшись, долго еще не решались пуститься в обратное плавание: ходили вдоль берега туда-сюда, завернули на кухню охотинского дома отдыха, где выпросили у поварахи по куску сахара, хотели еще посмотреть кино, но без штанов не позволялось. Тогда – на кладбище: опять же, занятие для храбрцев.

Побродили меж старыми каменными надгробьями, позаглядывали в церковные окна: внутри храма было темно – горели красные и зеленые лампадки, и более ничего не было видно. Ни один человек не встретился им – должно, службы в тот вечер не предполагалось.

Потом снова сидели у Волги, рассуждая о карах, которые могли ждать их на противоположном берегу. И тут парнишка один, его звали Юркой, сказал:

– Я нынче и без того уже мать обидел... Она с ночной пришла, поесть приготовила, а я говорю: пахнет от тебя как-то – больницей и уборной, скоро уж весь дом провоняет...

– А она чего? – спросил кто-то.

– Заплакала... «Для тебя же, – говорит, – Юрочка...» Да я и сам знаю: денег не стало хватать, вот и пошла на подработку санитаркой, а я...

– Ничего, матери – они отходчивые, – со знанием дела успокаивали его ребята. – Простит.

– Простит, – согласился он, поднимаясь. – Ладно, плыть надобно.

Далеко впереди мерцали огоньки Мышкина, и было до этих огней не пятьсот, а трижды по пятьсот метров. Очень скоро ребята поняли, что усталость не оставила их, что она лишь затаилась: течение сносило и сносило – хорошо еще сообразили перед возвращением подняться по берегу, насколько позволяла местная география – до впадения реки Юхоти. Тут еще по курсу возник колесный буксир с плотами – приближаться к ним было опасно, и мальчишки, теряя силы, выгребали против течения, чтобы не потерять из виду огни, чтобы не отнесло в далекую неизвестность.

Но вот плоты миновали их – на оконечности пылал костер, освещавший шалаш плотогонов и лодчонку, болтавшуюся в волнах. Глухая, вязкая чернота пала на воду. Сережу охватил панический страх. Судорожно заработав руками и ногами и чувствуя, как силы покидают его, он закричал: «Ре-бя-а!» С двух сторон отозвались. И хотя голоса эти были не менее испуганными, стало спокойнее.

– Плыдем! – крикнул он как можно бодрее.

– Плыдем! – донеслось справа.

– Ага! – слева.

...Очнулся Сергей от всплесков за своею спиною: оказалось, выкарабкаться на сушу ему удалось только до половины – ноги оставались в воде и время от времени конвульсивно дергались. Не сразу получилось и подняться: ползает, ползает по песку, а лишь попытается встать – ноги отказывают.

Кое-как доволоклись до дома. Втроем.

А через несколько дней хоронили Юрку. Событие это представлялось несформировавшемуся сознанию Сережи Белова вовсе не тем, чем оно было на самом деле: смешанное чувство восторга и ужаса от сопричастности непостижимому таинству владело мальчиком. Увы, именно так.

Потом, когда сознание распределило все по законным местам, душа не отозвалась – слишком уж много времени прошло, слишком много. Да и бедолагу того Сережа почти не знал – дети, как известно, сходятся легко. «Как тебя зовут?» – вот и приятели. Сходятся легко, легко и расходятся... Так что история эта в целостности своей с годами только тускнела.

Сохранились разрозненные картинки: улыбающийся шкипер, рыбак в широкополой соломенной шляпе и белой полот-

няной рубашке с распахнутым воротником, пчела, влетающая в окно храма, вылетающая обратно и снова влетающая... Костер плотогонов, лодка в огненных отблесках бурлящей за плотами воды... Картинки запечатлелись хотя и ярко, но недвижимо: фотографии как фотографии. Между тем несколько слов, оброненных случайным прохожим и поразивших Сергея Белова очевидной, как показалось ему, бессмысленностью, облеклись со временем в суровую плоть и с годами стали все чаще, все тревожнее и требовательнее поверять устойчивость его духа: когда провожали Юрку, незнакомый старик, спешивший мимо, заинтересовался, кого хоронят, а услышав ответ, с неожиданною улыбкою заключил:

– Счастливый. Какие там у него грехи? А тут, – он махнул

рукой, – живешь, живешь и только добавляешь себе провинностей...

– Ты чего, дед, рехнулся? – грубо спросили его из толпы.

– Не рехнулся, – спокойно отвечал он. – Просто устал! Устал от жизни! – и пошел своею дорогой.

Венец творенья

К концу войны приход за нерентабельностью закрыли – живых людей не сохранилось, и Лукерья, служившая в церкви ключницей, вышла в отставку. Переехала поближе к Москве: купила полдома в деревне Карамышево – и зажила себе ничего не делая, благо для одинокого существования сбережений хватало.

Хозяином другой половины был Иван Тимофеевич Корзюков – человек рукодельный, мастеровой: пчел держал, ботинки чинил, столярничал. Лукерья по долгу бывшей своей службы относилась к умельцам разных полезных ремесел с особенной заинтересованностью, и, вероятно, Иван Тимофеевич смог бы вскорости добиться ее расположения, когда б не одно обстоятельство: сосед имел крайне нескладную конфигурацию. Туловище его сильно вытягивалось вверх в ущерб шее и даже отчасти голове. То есть это был нормального роста человек с очень высокими прямыми плечами, из которых чуть выпирала маленькая, словно обтаявшая, голова. Для придания голове хоть какой-либо стройности Иван Тимофеевич постоянно напяливал на нее шляпу. Держаться шляпе, кроме как на ушах, было не на чем, и уши от многолетнего на них воздействия оттопырились, наклонились и заняли совершенно горизонтальное положение, иначе – сделались параллельны плечам.

На лице Ивана Тимофеевича вполне хватало места для носа и глаз, но лба почти не было, а под носом в неимоверной тесноте лепились рот с подбородком.

– Небогоугодно это, – подозрительно приглядывалась к соседу Лукерья.

Иван Тимофеевич всерьез занимался огородничеством и садоводством. Участок его был так аккуратен, как бывает разве только у немцев или у англичан. Половина же, отошедшая к Лукерье, быстро позарастала бурьяном, а на все замечания соседа о необходимости рыбления кругов под деревьями Лукерья с равнодушием отвечала: «Ежели оно родит – и так родит».

Иван Тимофеевич носил с пустыря конский навоз. Лукерья тащила всякую найденную деревяшку, железку, кусок кирпича и складывала в кучу под вишнями.

– Зачем? – изумлялся сосед.

– Матерьял, – хладнокровно объясняла Лукерья. – Нельзя, чтобы исчезнул.

– Я могу достать для вас хорошего кирпича, досок, бревен...

– На кой? – недоумевала Лукерья.

– Ну, вам же надобно для чего-то?

– Не надобно. Бог дал, – и показывала, к примеру, на кусок водопроводной трубы, – я подобрала. Вот и все.

– А зачем? – возвращался сосед к началу.

– Я ж говорю – матерьял! Что непонятной?

Зимой в «матерьяле» поселилась собака. Лукерья никак не отваживала ее и даже кормила, то есть выбрасывала теперь мусор не в выгребную яму, а под крыльцо, что по достоинству оценили все бродячие псы.

Весной, когда ненатурально ровные грядки соседа покрылись налетом всходов, Иван Тимофеевич объявил собакам войну: расклеил на заборах невесть где добытые печатные объявления об опасности заражения бешенством, вызвал из Москвы «живодержку», которая, правда, из-за распутицы не добралась, стал ходить по деревне с ружьем и однажды гордо

похвастался, что «прибил наконец мерзавца, который топтал морковь».

– Так это же мой Трезор! – завопила Лукерья.

– Возможно, – согласился сосед. – Но ведь он – собака, а морковь – для меня.

– Ну и чего?

– А я человек, – видя, что ход его рассуждений Лукерью не убеждает, вразумляюще заключил: – Венец, значит, творенья.

У Лукерьи глаза вытаращились до того, что стали сухими.

– Венец творенья? – переспросила она. И тут с женщиной случился приступ вроде астматического: она даже засмеяться не могла – выла и захлебывалась в этом вое.

– Пусть – не я, пусть – вы, – недоумевал Иван Тимофеевич, – но не Трезор же?..

С трудом добралась она до кровати и повалилась ничком. В конце концов этот приступ сменился приступом голода – так много сил потеряла Лукерья.

Иван Тимофеевич недолго обижался на смех соседки. В начале лета он попросил помощи: умерла единственная его родственница, и нужно было перегнать из Расторгуева доставшуюся в наследство корову.

Первые километры, пока под ногами была земля, шли споро. Но потом земля кончилась, и животное сбило об асфальт копыта. Во дворе четырехэтажного дома на Мытной заночевали. Иван Тимофеевич подоил корову, привязал к дереву на газоне, попили с Лукерьей молока и, привнялась друг к дружке спинами, уснули на садовой скамейке.

Ночью было свежо, но Лукерья, прижимаясь к всхрапывающему соседу, не замерзала. «Все-таки с мужиком хорошо, – оценивала обстановку Лукерья. – Бывало, и печку натопишь, и ватным одеялом укроешься – все равно холодно, а вдвоем даже на улице – и то ничего».

Вся ее «личная жизнь» сводилась к четырем дням замужества, а на пятый – это было в ее родном городке в тысяча девятьсот восемнадцатом – муж, не успев стать ни белым, ни красным, погиб от случайной, предназначавшейся вовсе не ему пули: сшиблись на окраине два отряда, перестрелянулись и разлетелись, а он по улице шел да там и остался.

Стала Лукерья что ни день в церковь ходить – молиться за упокой души убиенного. Через это усердие на службу к батюшке и попала. Четверть века у него проработала. Строг был батюшка, так что никакой «личной жизнью» она не обзавелась.

Теперь во дворе на Мытной Лукерья с тихой скорбью думала о своем одиночестве и винила себя за бесчувственное и даже, как ей казалось, недоброе отношение к столь теплобокому Корзюкову.

На рассвете корова пощипала травы и, не дав молока, тронулась дальше. Однако вскоре совсем обезножела: поревела, поревела и залегла прямо на тротуаре. Город начинал просыпаться – появились на улицах машины, дворники с метлами и жестяными совками.

– Пропадет животное! – всхлипнул Иван Тимофеевич.

– Снимай сапоги! – приказала Лукерья.

– Зачем?

– Снимай да надевай ей на ноги! Мысками назад!..

В шесть утра на Большой Каменный мост взмошел босой Иван Тимофеевич с развевающимися тесемками исподних штанов, за ним плелась на веревочке черно-белая худая корова в кирзовых сапогах носками назад. Причем один был на правой передней, другой – на левой задней ноге. Следом, с фанеркою и ведром, приготовленными на случай внезапности, шла Лукерья.

Всю эту команду на спуске с моста остановил милиционер. Долго и беспристрастно беседовал, но проникся чувствительностью и разрешил пройти: «Чтоб духу вашего через минуту здесь не было!» Может, конечно, дело было вовсе не в чувствительности, а в духе. Но так или иначе, а пропустил. И корова дошла до Карамышева. Правда, для этого пришлось купить у инвалида-старьевщика еще одну пару сапог.

В те годы по Москве бродило много старьевщиков: «Старье бере-ом, старые вещи покупа-аем». В их огромных заплочных мешках валом лежали новенькие, «ни разу не надеванные» вещи: сапоги от тех, кому обувка уже не надобилась, гимнастерки, шинели, фуражки...

Продолжение следует

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Отметник

Святой Антоний Великий ушел в пустыню – первый из всех подвижников, для того, чтобы бороться со злом, которое существовало в его сердце. Он не бежал от мира – он уходил в пустыню на единоборство.

И вот, однажды разрушающей бурей нашли на него искушения всякого рода. Он боролся отчаянно, изо всех своих сил, и, наконец, эти силы в нем истощились, не только душевные, но и телесные, и он лег на голую землю, чувствуя, что бороться больше не может.

И в этот момент перед ним предстал Спаситель Христос, и вся тьма просветилась его присутствием, весь ужас отошел. И тогда, бессильный даже встать перед ним и поклониться ему, Антоний воскликнул:

– Господи! Где же Ты был, когда я был в таком страшном борении? Неужели Ты не мог мне помочь?

И Спаситель ему ответил:

– Я невидимо стоял рядом с тобой, готовый тебе помочь, если только поколебалась бы вера твоя...

* * *

Паисий Святогорец как-то рассказывал, что когда он копал свой огород, чтобы посадить несколько кустов помидоров, к нему пришел один посетитель и спросил:

– Что ты делаешь?

– Исповедую свой огород.

– Да как же так! – опешил посетитель. – Неужто огород тоже нуждается в исповеди?

– Конечно, нуждается. Я убедился, что когда поисповедую огород, то есть вычищу землю от камней, сорняков, колючек и тому подобного, то овощи, которые он родит, бывают крепкими и здоровыми, как на подбор! А если огород оставить без исповеди, то и вырастут на его грядках какие-то недоразвитые желтенькие и сморщенные помидорчики!

* * *

Авва Нестерон Великий сказал: «Старайся ежедневно представлять себя Богу чуждым греха. Молись Богу так, как бы ты видел Его: потому что Он точно видит тебя».

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!